

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1119-1124. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1119
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Plague in the Caucasus, 1835–1839: Features of Detection and Counteraction

Goran Rajović ^{a, b, *}, Dmitry O. Ezhevski ^c, Alla G. Vazerova ^d, Milica Trailovic ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Penza state university of architecture and construction, Penza, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article discusses the outbreak of plague in the Caucasus, which took place in 1835-1839. The attention is paid to the circumstances of its occurrence, localization and adoption of anti-epidemic measures.

The archival documents of the state archive of the Krasnodar region (Krasnodar, Russian Federation) served as materials for the preparation of the study. The special literature and scientific publications reflecting these issues were also used.

The methodological basis of research were the principles of objectivity and historicism, assuming an unbiased approach to the analysis of the problems, critical attitude to the sources, making judgments as a result of the analysis of a set of facts or phenomena in the development context and the historical setting. For example, the analysis of a set of facts revealed the reasons for traders' interest in hiding information about the presence of plague in their regions.

The authors conclude that the plague in the Caucasus in 1835-1839 had a pronounced local character. Almost non-stop plague in Turkey and Persia was brought with smuggled goods to Abkhazia and Cherkessia. The anti-epidemic measures of the Russian administration in the Caucasus made it possible to quickly detect the source of infection and take measures to prevent the spread of plague to other territories, including the internal regions of the Russian Empire. However, the preservation of the plague foci in the neighboring Russian territories is not allowed until January 1839 to remove the strict quarantines at borders and within the territory of the Caucasus.

Keywords: Caucasus, plague, Persia, Turkey, anti-epidemic measures, 1835–1839.

1. Введение

В XIX веке чума на Кавказе являлась наиболее тяжелым эпидемиологическим заболеванием, которое сопровождалась значительными человеческими жертвами. В качестве примера отметим, что опустошительная эпидемия чумы в Кабарде весной 1809 г. привела к тому, что население там сократилось на 80 % (Ermachkov et al., 2018: 126). Очевидно, что русская администрация на Кавказе принимала значительные усилия, чтобы предотвратить повторение этих печальных событий. Медицинской службой были разработаны регламенты по обнаружению и выявлению вспышек заболеваний, созданы карантинные пункты для проверки всех прибывающих в Россию из Турции и Персии, налажен постоянный сбор информации о заразных болезнях. Источниками информации о появлении чумы были обращающиеся на меновые двory горцы, представители русской агентуры из числа

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović), Dimao404@mail.ru (D.O. Ezhevski), history@pguas.ru (A.G. Vazerova)

черкес, бежавшие или выкупленные из Черкесии пленники, представители русских миссий в Турции, а также русские офицеры, находящиеся при мирных черкесских князьях на территории Закубанья (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 682. Л. 4). Именно при помощи сбора информации и были выявлены факты появления чумы на Кавказе в 1835 году.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки исследования послужили архивные документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Использована также специальная литература и научные публикации, в которых нашли отражение данные вопросы.

Интересно также отметить, что в томе 8 «Актów Кавказской археографической комиссии», в котором рассматривался период 1831–1837 гг. информация о чуме в 1835 г. не представлена. Здесь уделено внимание только состоянию карантинных пунктов (АКАК. 8: 123–185). По всей вероятности, это было связано с тем, что документы отложились только в городе Екатеринодаре и далеко не все документы дублировались в Тифлис.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Так, например, анализ совокупности фактов позволил выявить причины заинтересованности торговцев в сокрытии информации о наличии чумы в их регионах.

3. Обсуждение

Чума на Кавказе в силу своей специфики не получила значительного научного освещения в историографии. Тем не менее в документах русской военной администрации имеются упоминания вспышек чумы, датируемых с XVIII века. Так, например, группа авторов в составе Е.С. Котенева и других в работе под названием «История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы» отмечала, что в течение XVIII века были зафиксированы как минимум три эпидемии чумы – в 1706, 1760 и 1790 гг. (Котенев и др., 2016: 613). Помимо этого имелись и локальные вспышки, например, у крепости Св. Креста в 1720-е гг., в Моздоке в 1772 и 1798 гг., а также в Черкесии в 1796 г. (Gvarliani et al., 2017: 41; Котенев и др., 2016: 613; Туренко, 1887: 41).

В 1800–1815 гг. эпидемия чумы практически не прекращалась, вспыхивая в разных регионах. Причинами этому были как проведение боевых действий в регионе (Ermachkov et al., 2017: 1257), так и традиции поведения населения в условиях чумы. Известно, что во время вспышки население стремилось покинуть зараженную территорию, разнося чуму на значительные пространства. Этой теме уделил внимание И.А. Ермачков в составе авторского коллектива (Ermachkov et al., 2018; Ermachkov et al., 2018a). Имеются упоминания о чуме на Кавказе в это время и в работах А.А. Черкасова и др. (Cherkasov et al., 2016).

В то же время изучением чумы на территории Персии занимались такие исследователи, как А. Hashemi Shahraki, Е. Carniel, Е. Mostafavi. Авторы отмечали, что многочисленные эпидемии чумы фиксировались на протяжении всей истории Ирана. Тем не менее, несмотря на давнюю историю чумы в Иране, трудно получить точный обзор истории (Hashemi Shahraki, 2016).

4. Результаты

Первые упоминания о чуме в 1835 г. поступили русской администрации 8 февраля от абхазцев, которые свидетельствовали, что в селении Субаше, находящемся между Гаграми и Геленджиком, появилась чума, которая была занесена туда турками из Трапезунда (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 13). Вскоре от владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе поступило уточнение, что чума появилась не в Субаше, а в большой черкесской деревне Цуку-Рутца, куда была завезена будто бы из Константинополя, в Субаше же свирепствует только оспа. Поступала и другая информация на этот счет. Так, от приверженных России горцев стало известно, что к черкесской пристани Шимитукадже, находящейся недалеко от Сухум-Кале, прибыло из Турции купеческое судно, спустя несколько дней на покупателях появились признаки чумного заражения, от которой более трех абазинских семейств скоропостижно скончалось. В связи с этим население аула с целью недопущения распространения болезни оцепило зараженные и сомнительные дома, а вещи и имущество было предано огню (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 170б.-18). По всей вероятности, вспышка чумы произошла в Убыхии. Это подтверждается еще одним свидетельством. Так, 10 февраля на Екатеринодарский меновый двор прибыл армянин Аванес Асланов, который сообщил, что в урочище Чуху действительно есть чумная болезнь, от речки, называемой Убыхи, в 40 верстах, в прочих же местах состоит совершенное благополучие (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 31).

28 февраля в Анапу из ближайшего к крепости аула Сукко прибыли два известных натухайских старейшины, которые рассказали, что у пристани Шуматукадзе Сашше, куда завезена одним турецким судном чума, погибли от этой болезни «более 7-ми абазинских семей» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 85). Старейшины также пояснили, что убыхи приняли самые строгие меры, чтобы

сообщение с этим местом полностью прекратились и чума не распространялась. Аналогичные строгие меры предприняли и их соседи шапсуги и натухайцы (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 85об.).

Практически одновременно русская администрация получила уведомление и от русского генерального консула в Трапезунде Герси, что в городе Иризе и на одном судне, остановившемся в гавани близ Трапезунда, открылась чумная болезнь (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 13-13об.).

Вследствие этого были сразу же приняты соответствующие меры предосторожности. Так, на сухопутной границе России с Турцией, на абхазских и мингрельских берегах, а также со стороны черкес, между которыми и появилась эпидемия, были ограничены связи с горцами и всякое сношение дозволялось только после карантинного очищения (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 13об.). При этом карантинное очищение применялось максимального срока, то есть – 14 дней карантина (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 18об.).

В конце февраля 1835 г. эти ограничения коснулись и русской агентуры из числа черкес. Так, администрация Кавказской области 28 февраля 1835 г. сообщала Екатеринодарской карантинной конторе, что приверженные России черкесы, которые до получения известий о чуме, проходили всегда мимо карантинного кордона, отныне обязаны пропускаться на русскую территорию только после карантинного очищения (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 25).

Карантинное очищение осуществляли на Кавказе карантинные конторы, которые подразделялись на пограничные и внутренние. По состоянию на 1834 г. к первым относились: 1-й Дербентский, 2-й Бакинский, 3-й Сальянский, 4-й Ленкоранский, 5-й Джевадский, 6-й Джебраильский, 7-й Ордубатский, 8-й Джульфинский, 9-й Шарурский, 10-й Игдырский, 11-й Гумринский, 12-й Джамбазский, 13-й Дигвирский, 14-й Озургетский, 15-й при крепости св. Николая, 16-й Редут-Кальский и 17-й Сухум-Кальский. К вторым относились 1-й Ортачальский, 2-й Тифлиссский, при почтовой конторе, 3-й Ананурский, 4-й Пиразинский, 5-й Куракчайский, 6-й Гергерский, 7-й Цалкский и 8-й Сурамский (АКАК. 8: 137).

Меры предосторожности принимала и сама Екатеринодарская карантинная контора, которая 10 февраля запрашивала разрешения у руководства Кавказской области на прекращение меновой торговли с черкесами на меновых дворах по Черноморской линии, кроме Екатеринодарского и Усть-Лабинского. Помимо этого карантинная контора уточняла, подвергать ли карантинному очищению военные суда, прибывающие в Анапу из Геленджика (в Геленджике не было собственного карантина) (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 27). Практически незамедлительно был получен ответ, что во всех меновых дворах, где строгий карантинный надзор как за горцами, так и за их товарами создать не удастся, в тех местах торговля должна быть приостановлена (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 27об.). Тем не менее многое в работе меновых дворов зависело от местных администраций. Так, администрация Усть-Лабинского менового двора сама выступила за прекращение мены с горцами (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 28). Что же касается кораблей, то за основу были взяты инструкции министра внутренних дел от 12 марта 1829 года, которыми предписывалось «в Анапский порт не допускать судов, следующих от всех сомнительных берегов Абхазии, Мингрелии и прочих» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 28).

В работе карантинных контор необходимо было учитывать и возможности проведения боевых действий русскими войсками за рекой Кубань. Так, в феврале и марте 1835 г. Екатеринодарская карантинная контора запрашивала администрацию Кавказской области о необходимости подвергать на общих правилах карантинного очищения воинские отряды и команды, следующие из Закубани на русскую территорию. На этот запрос администрация области отвечала, что «принимая в соображение отдаленность места, в котором открылась у горцев в настоящем году чумная зараза и которая, как доносил геленджикский комендант, по уверению горцев, уже прекратилась, не нахожу надобности воинские команды и отряды, следующие из Закубани в пределы области, подвергать карантинному очищению, на будущее время в подобных опасных случаях будет снабжена сия контора особенным предписанием и руководством» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 53-53об.).

Уже в марте начали поступать сообщения о прекращении чумы у убыхов. Так, например, приходящие на меновой двор у крепости Геленджик черкесы свидетельствовали, что «существовавшая в местечке Хызе чума совершенно прекратилась и более сего никаких повальных и заразительных болезней в горах нигде не имеется» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 105). Об аналогичном говорили черкесы, прибывающие в Анапу (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 115).

Важно понимать, что черкесы, а в особенности натухайцы, были заинтересованы в торговле с Россией. Введение 14-ти дневного карантина сильно подрывало их торговлю. Поэтому черкесы готовы были свидетельствовать об окончании чумы, даже если бы она еще не кончилась. В качестве примера приведем следующие данные. В конце марта 1835 г. на территорию Усть-Лабинского карантина прибыли мирные черкесские князья, которые просили русскую администрацию пропустить их на ярмарку в Екатеринодар вместе с подвластными людьми с выдержанием карантина в одни сутки (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 152). Однако до лета 1835 г. разрешение на сокращение карантина так получено и не было.

30 марта 1835 г. в Феодосийский порт прибыло из Константинополя австрийское купеческое судно «Ангареци» под управлением шкипера Николая Якузы с 9 матросами и 2 пассажирами. Судно, на котором была привезена хлопчатая бумага и часть бакалейных товаров, имело плавание около

14 дней. По освидетельствовании в Феодосийском карантине в обнаженном виде людей у одного из пассажиров, татарина Шикий-Айвец Оглу, была обнаружена рана под мышкой левой руки от бывшего чумного бубона, приходящая в заживление, но еще имеющая материю, а ниже кисти на той же руке снаружи прыщ с краснотой, величиною в горошину. Хотя пассажир показал, что он 7 месяцев назад при возвращении из Мекки в Константинополь с прочими паломниками, из числа которых умерло три человека, получив в пути чумный бубон, от которого не чувствовал никакой боли, пробыл в Константинополе около пяти месяцев. Тем не менее карантинное правление поместило больного в особое отделение и приняло все меры осторожности, предписанные карантинным уставом (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 78-78об.). Ввиду появившегося нового факта уже 6 апреля было дано указание усилить меры карантинной осторожности в Анапском карантине над судами, которые прибывали из-за границы (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 79).

В июне 1835 года русской администрации начала поступать информация о появлении вспышек чумы в Персии, а именно в Урмии и городе Тавризе. Вскоре эта информация была официально подтверждена и персидским правительством (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 95). В результате оперативного вмешательства был резко усилен контроль и за российско-персидской границей. Тем временем чума в Персии продолжала распространяться. Так, в конце июня управляющий Тальшинским ханством подполковник Луценко 25 июня доносил главноуправляющему в Грузии, что «по полученным им из Персии сведениям, чумная зараза появилась и в городе Ардебиле» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 101). В августе чума фиксировалась в Ардебиле. В октябре в Тевризе вспыхнула еще одна болезнь, схожая с холерой, от которой скорострительно умирали от 20 до 30 человек (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 139-139об.). Неблагополучно обстояла обстановка и в Турции. По данным русского консула в Трапезунде в августе 1835 г. ежедневно умирало от чумы по 9–10 человек. В окрестностях же города чума не наблюдалась (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 140).

Относительно спокойно прошли зима и весна 1836 г. Однако в конце июля 1836 г. вспышки чумы вновь начали фиксироваться в прибрежной и горной Черкесии. Так, прибывший 29 сентября на Екатеринодарский меновый двор закубанский армянин Мелкон Хачедуров сообщил, что чума появилась два месяца назад в убухском владении на реках Шаше и Вае, а также у шапсугов на реке Неджепсухо. За это время вымерло от чумы 9 семей, но, сколько именно человек, ему неизвестно (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 271. Л. 1). Армянин пояснил, что чума и сейчас продолжается и более всего свирепствует у шапсугов. Существование этой болезни подтвердили и другие черкесы, находившиеся на меновом дворе (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 271. Л. 1-1об.).

Большой проблемой было то, что река Неджепсухо находилась в 70 км от Екатеринодара, то есть шансы вспышки чумы на русской территории резко возрастали. Проблемой был и недокомплект личного состава служащих в карантинах. Так, например на Ольгинской карантинной заставе наблюдалась нехватка рабочих, которые отвечали за чистоту (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 271. Л. 1-1об.). Для сбора более точной информации была привлечена русская агентура из числа черкесов. Так, 10 октября 1836 г. на Екатеринодарский меновый двор прибыл черкес Бек Мирза Джантемиров, он сообщил, что «за Кубанью в известных уже карантину местах действует и теперь чумная зараза, только слабее противу прежнего; но, по сколько именно душ из оной болезни умирает в сутки или в недели, ему неизвестно. В другие же соседственные места она болезнь не распространяется» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 271. Л. 3-3об.).

По всей вероятности, и эту вспышку чумы удалось локализовать, так как другой информации об этом деле не было найдено. Тем не менее на границах с Кавказом и после этого времени продолжали вспыхивать чумные очаги. Известно, что в Турции на смежном с Грузией Ачарском санджаке в мае 1838 года произошла вспышка чумы (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 353. Л. 3). В августе чума в слабой степени была в городе Ахалцых и трех окрестных деревнях (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 353. Л. 14). Получение этой тревожной информации не позволяло ослабить строгий карантинный досмотр и очищение, что приводило к сложностям в торговле. Ситуация изменилась только к концу 1838 г.: чума в Турции практически прекратилась.

Русская администрация, убедившись, что чума в Турции и Персии завершилась, приняла решение на снятие 14-ти дневного карантина. 19 января 1839 г. администрацией Кавказской области было предписано всем карантинам и заставам Кавказской линии, учрежденным по Тереку, Малке и Кубани, в связи с прекращением эпидемии чумы в Ахалцыхской провинции карантинную обсервацию снять (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 353. Л. 14).

5. Заключение

В заключение важно отметить, что чума на Кавказе в 1835–1839 гг. носила ярко выраженный локальный характер. Практически не прекращавшаяся чума в Турции и Персии была занесена с контрабандными грузами в Абхазию и Черкесию. Противоэпидемиологические мероприятия русской администрации на Кавказе позволили быстро обнаружить источник заражения и принять меры к нераспространению чумы на другие территории, в том числе на внутренние области Российской империи. Тем не менее, сохранение очагов чумы на сопредельных с Россией территориях не позволяло до января 1839 г. снять строгие карантинные на границах и внутри территории Кавказа.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

АКАК, 8 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 8. Тифлис, 1881.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Котенев и др., 2016 – *Котенев Е.С., Дубянский В.М., Вольнкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л.* История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // *Медицинский вестник Северного Кавказа*. 2016. Т. 11. № 4. С. 612–616.

Туренко, 1887 – *Туренко А.М.* Исторические записки о войске Черноморском. Киев, 1887.

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2), pp. 382-391.

Ermachkov et al., 2017 – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* Military-Sanitary Affairs in the Caucasus in 1803–1808 years: the Characteristic Peculiarities // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 46, Is. 4, pp. 1252-1260.

Ermachkov et al., 2018 – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47, Is. 1. pp. 120-129.

Ermachkov et al., 2018a – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48, Is. 2. pp. 558-569.

Gvarliani et al., 2017 – *Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V.* The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 // *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.

Hashemi Shahraki, 2016 – *Hashemi Shahraki A., Carniel E., Mostafavi E.* Plague in Iran: its history and current status // *Epidemiology and health*. 2016. Vol. 38. pp. e2016033.

References

АКАК, 8 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeographic commission]. V 12 t. T. 8. Tiflis, 1881. [in Russian]

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2), pp. 382-391.

Ermachkov et al., 2017 – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* (2017). Military-Sanitary Affairs in the Caucasus in 1803–1808 years: the Characteristic Peculiarities. *Bylye Gody*. Vol. 46, Is. 4, pp. 1252-1260.

Ermachkov et al., 2018 – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I. *Bylye Gody*. Vol. 47, Is. 1. pp. 120-129.

Ermachkov et al., 2018a – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II. *Bylye Gody*. Vol. 48, Is. 2. pp. 558-569.

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [The state archives of the Krasnodar territory].

Gvarliani et al., 2017 – *Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V.* (2017). The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799. *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.

Hashemi Shahraki, 2016 – *Hashemi Shahraki A., Carniel E., Mostafavi E.* (2016). Plague in Iran: its history and current status. *Epidemiology and health*. Vol. 38. pp. e2016033.

Kotenev i dr., 2016 – *Kotenev E.S., Dubyanskii V.M., Volyunkina A.S., Zaitsev A.A., Kulichenko A.N., Kravtsova S.L.* (2016). Istoriya epidemii chумы na Severnom Kavkaze i sovremennyyi epidemicheskii potentsial prirodnykh ochagov chумы [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the modern epidemic potential of natural foci of plague]. *Medical News of North Caucasus*. T. 11. № 4. pp. 612-616. [in Russian]

Turenko, 1887 – *Turenko A.M.* (1887). Istoricheskie zapiski o voiske Chernomorskom [Historical notes on the army of the Black Sea]. Kiev. [in Russian]

Чума на Кавказе 1835–1839 годов: особенности выявления и противодействия

Горан Райович ^{a, b, *}, Дмитрий Олегович Ежевский ^c, Алла Геннадьевна Вазерова ^d,
Милица Трайлович ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматриваются вспышки чумы на Кавказе, которые происходили в 1835–1839 гг. Уделено внимание обстоятельствам их появления, локализации, принятию противоэпидемиологических мероприятий.

Материалами для подготовки исследования послужили архивные документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Использована также специальная литература и научные публикации, в которых нашли отражение данные вопросы.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Так, например, анализ совокупности фактов позволил выявить причины заинтересованности торговцев в скрытии информации о наличии чумы в их регионах.

В заключении авторы отмечают, что чума на Кавказе в 1835–1839 гг. носила ярко выраженный локальный характер. Практически не прекращавшаяся чума в Турции и Персии была занесена с контрабандными грузами в Абхазию и Черкесию. Противоэпидемиологические мероприятия русской администрации на Кавказе позволили быстро обнаружить источник заражения и принять меры к нераспространению чумы на другие территории, в том числе на внутренние области Российской империи. Тем не менее, сохранение очагов чумы на сопредельных с Россией территориях не позволяло до января 1839 г. снять строгие карантинные меры на границах и внутри территории Кавказа.

Ключевые слова: Кавказ, чума, Персия, Турция, противоэпидемиологические мероприятия, 1835–1839 гг.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович), Dima0404@mail.ru (Д.О. Ежевский), history@pguas.ru (А.Г. Вазерова)